

ГОСТЬ НОВОСИБИРСКА — ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА И МЕЖДУНА-
РОДНОЙ ПРЕМИИ «ОСКАР» ЗАСЛУЖЕННЫЙ
АРТИСТ РСФСР КЛОУН

АНАТОЛИЙ МАРЧЕВСКИЙ

«...Я посмотрел на небо, и мне захотелось, чтобы вместо капель дождя, похожих на слезинки, падали разноцветные камешки, чтобы земля превратилась не в раскисшую массу, а в красочную мозаику, чтобы вместо суровых черных туч светило на небе ласковое солнце и воздух был наполнен ароматом роз».
(Из рассказа А. Марчевского «Почему плачет дождь»).

— В тринадцать лет вы стали артистом городского народного цирка, в шестнадцать — киевского «Цирка на сцене». Значит, вопрос «Кем быть?», мучительный для многих старшеклассников, к окончанию школы вами уже был решен?

О СМЕХЕ — СЕРЬЕЗНО

— Занятия цирковой самодеятельностью для меня были обычным мальчишеским увлечением. И даже учась в десятом классе и одновременно выступая в представлениях «Цирка на сцене» в качестве велофигуриста и акробата-эксцентрика, я твердо намеревался поступать в технический вуз. Это было чистой случайностью, когда к началу очередных гастролей цирка в составе труппы не оказалось клоуна и заменить его предложили мне.

И вот — первый выход «в люди». Ощущение полнейшей внутренней паники и только потом — ликующая радость от осознания прошедшего контакта со зрителем!.. Пожалуй, после этого месяца выступлений в роли клоуна я и почувствовал страстное желание приносить людям добро, понял, что выход на манеж, общение со зрителем стало для меня потребностью.

— Ограничивается ли желание клоуна приносить людям добро стремлением попросту рассмешить их? На этот вопрос ваш герой, которого принято называть «современным клоуном» и который вот уже тринадцать лет выходит на манеж, наверняка ответил бы категоричным «нет», а вот ваш Рыжий Марчеллино, родившийся полгода назад, вероятно, возразит: «А почему бы и нет? Смех, как известно, удлинит человеческую жизнь, и ради одного этого стоит стараться!».

— И тот, и другой будут правы! К Рыжему мы еще вернемся, а пока я отвечу на ваш вопрос как «современный клоун». Так как к юмору я отношусь серьезно, то всякий раз выхожу на манеж с целью сделать нечто большее, чем просто рассмешить. Я должен к чему-то призывать и что-то отвергать! Да, клоун «смеет» быть публицистом» и цирк — вполне подходящее место для постановки злободневных социальных вопросов, но я не приемлю голый сатиры. Отрицание без Утверждения — это мыльный пузырь! Если уж взялся что-либо отвергать, предложи и что-то взамен. Если, к примеру, в сценке «Энвильбрист на катушках» я стремлюсь показать настоящность моего героя во взятии высоты, преодолении страха перед ней, а в конце, когда в награду за это преодоление он получает стакан воды и, испытывая жажду, отдаст ее живому цветку — его способность к самопожертвованию ради доброты, нежности, красоты, любви (у каждого могут быть свои ассоциации с

символом цветка), то разве, утверждая такое отношение к жизни, я тем самым не отрицаю противоположного отношения к ней?..

— Выходя на манеж под своей фамилией, без грима и без традиционного костюма клоуна, вы, таким образом, в какой-то мере отождествляете себя со своим героем?

— Если по большому счету, то да. Потому что живу на манеже так, как хочу жить, стремясь воплотить в своем герое мой идеал человеческого характера. Что же касается грима и традиционного клоунского костюма, то меня (и, думаю, моих зрителей тоже) прежде всего интересует человек и его мысли, а не то, как он одет.

ности я ориентировался, и этому стремился. Но сколько бы ни были сходны наши герои по своей романтической окраске и пластике, они отличны в главном — у них разное мироощущение. Енгибарова недаром называли клоуном с «осенью в сердце». Образ, созданный им, глубоко трагичен, его смех — это «смех сквозь слезы», это тоска доброй, щедро одаренной природы по искреннему человеческому общению. Я же начинал на арене в те годы, когда темы праздничного ощущения бытия, жизнеутверждения и глубокого оптимизма были наиболее близки нашей молодежи. Поэтому там, где герой Енгибарова терпел поражение, мой одерживал победу — в борьбе с черствостью и равнодушием,

Вполне справедливо отвергая слабое содержание старой буффонады, вместе с ней мы похоронили и яркую форму, испокон веков присущую цирку! Углубление в философию и символическую условность безусловно большое достижение циркового искусства, но ведь дальнейшее продвижение только в одном этом направлении рискует обезличить цирк, лишить его изначально присущей ему зрелищности. Вот ведь парадокс: в цирке стали меньше смеяться, ошутим стал недостаток здорового доброго смеха над глупостью, трусостью, лицемерием и другими людскими недостатками! Что, их стало меньше? Да ничуть. Так почему бы не посмеяться над ними, тем более что цирк имеет для этого все возможности?! Только необходимо в старую форму вложить новое содержание, чтобы простодушный Рыжий «из народа» и его «интеллигентный» напарник Белый, балансируя на грани дозволенного, не опускались до пошлости и грубости.

— Означает ли ваше обращение к новому характеру то, что со временем вы растаетесь с образом «современного клоуна»?

— Цирку нужно и то и другое: и здоровый смех «для разрядки», и тонкий юмор для раздумий. Да и мне, как артисту, интересны и нужны оба моих героя: Рыжий добряк Марчеллино, которого я изображаю, и современный романтик, в образе которого я живу на арене.

«...А я был рад, что он появился. Мне захотелось, чтобы листочек продержался зиму, не замерз и не сорвался от беспощадных зимних ветров. Чтобы и пришел к нему ранней весной и увидел его на дереве — таким же зеленым».

И тогда мы вместе скажем:

— Я не последний осенний. Я первый. Весенний!».

(Из рассказа А. Марчевского «Последний осенний»).

— Определения «клоун-лирик», «клоун-поэт» в свое время адресовались и Леониду Енгибарову. Действительно, образы ваших героев близки друг другу своей романтической, так же как и пластическими, пантомимическими средствами выражения. Вы начинали свою работу в цирке в 1970-м, когда Енгибаров был уже признанным мастером клоунады. Какое влияние оказало на вас, начинающего артиста, его творчество?

— Среди клоунов 60-х годов Енгибаров выделялся цельностью своего репертуара. У него был целостный образ, и все его новеллы несли определенную законченную мысль. Это был клоун, поднявшийся до уровня философа, говоривший цирковым языком на глубокие злободневные темы. Вот на этот уровень образной целостности и философской обобщен-

ности я ориентировался, и этому стремился. Но сколько бы ни были сходны наши герои по своей романтической окраске и пластике, они отличны в главном — у них разное мироощущение. Енгибарова недаром называли клоуном с «осенью в сердце». Образ, созданный им, глубоко трагичен, его смех — это «смех сквозь слезы», это тоска доброй, щедро одаренной природы по искреннему человеческому общению. Я же начинал на арене в те годы, когда темы праздничного ощущения бытия, жизнеутверждения и глубокого оптимизма были наиболее близки нашей молодежи. Поэтому там, где герой Енгибарова терпел поражение, мой одерживал победу — в борьбе с черствостью и равнодушием,

хажеством и человеконенавистничеством...
— В своей новой программе «Здравствуй, клоун!» вы впервые обратились к классическому образу Рыжего, поступки которого в первой части циркового спектакля резко контрастируют с действиями во второй вашего прежнего лирического героя — озорного и веселого парнишки. И если во второй части, где световые краски смягчены и приглушены музыкальные тона, в зале преимущественно звучит добрый смех, побуждающий зрителей к раздумью, то в первой части — если свет — то всю мощь прожекторов, если музыка — то барабанная дробь или какофония медных, и зал зачастую взрывается чуть ли не гомерическим хохотом, после которого впопыхах отдуваются, не то что размышлять!

— Я намеренно пошел на этот контраст. До недавнего времени я был решительным противником классической цирковой буффонады, считая ее грубой и пошлой. С 1917 года в советском цирке практически не осталось ни одного Рыжего в его классическом варианте. Были Рыжие-солдаты, «окультуренные» и «смягченные», были Рыжие с отдельными номерами, а классического Рыжего — простака, добряка и мудреца, по традиции действующего в паре с надменным Белым, не было.

«...Сердце мое билось. Прошла секунда, и свежий, весенний, все оживляющий дождь пролился на меня: я услышал спастический плеск детских лап... Он рассмеялся, мой маленький друг и хозяин, моя цель и оправдание, он рассмеялся, мой ценитель и зритель, и были видны его беззубые десны. Он рассмеялся, и мне стало легче».
(Из повести В. Драгунского «Сегодня и Енгибаров»).

— В снятом по этой повести фильме «Клоун» главный герой, которого вы играете, мерилом своего клоунского мастерства считает самых маленьких зрителей. Вы солидарны с ним в этом?

— Тот клоун не настоящий, который на подобный вопрос ответит отрицательно. Дети — основные наши зрители, и именно их восприятие является критерием циркового искусства. Они, пожалуй, даже тоньше, чем иные взрослые, чувствуют мораль, заложенную в той или иной сценке, и зачастую более эмоционально реагируют на нее.

— Ваш идеал зрителя.
— Добрый. Как артиста, меня прежде всего интересуют философия человеческих отношений, основой которых, по моему убеждению, должна быть доброта. Это главная тема, которая меня волнует, и ней я чаще всего и обращаюсь в своих выступлениях. Почему человек не может или не хочет быть доброжелательным, почему при общении с другими людьми у него «не срабатывает» душа, почему все явственнее в наших отношениях друг с другом ощущается этот «дефицит добра»? Именно в нем, я уверен, скрыты зародыши всех наших проблем! И если зритель почувствует в моем клоуне это безграничное добродушие, если испытает потребность в общении с ним — значит я не зря выхожу на арену.

Беседу вел Н. ЮСТАС.